

Быть ли Соединенным Штатам Евразии? / продолжение

Category: Kitarcy, Publisistika

написано kitarcy | 24 января, 2025

Быть ли Соединенным Штатам Евразии? / продолжение •
Геополитика Центральной Азии: основные игроки

Сегодня геополитическая ситуация в ЦА значительно изменилась, если ее сравнить с началом XX века. Наряду с Россией активными внешними игроками в регионе стали Китай, США и Турция. Кроме того, сами страны ЦА, став независимыми, стремятся с разной степенью успешности проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, выстраивая отношения как между собой, так и с зарубежными странами.

Тем не менее, взяв неплохой старт, теперь очень важно не потерять набранный темп и не сбиться с пути. А такой риск вполне реален, и более того, он уже существует.

Что имеется в виду? Сказав, что Центральная Азия стала еще одним объектом противостояния между крупными державами мира, не откроешь Америку. Сегодня здесь реализуют свои стратегические интересы различные международные центры силы. Поэтому все, что здесь происходит на региональном уровне или в отдельно взятой стране, находится под пристальным вниманием конкурирующих сторон. И в принципе это вполне ожидаемо.

К сожалению, в современном мире так называемые политтехнологии воздействия зачастую применяются в разрушительном плане, особенно если это касается развивающихся стран. Крупные внешние игроки способны нажать на те или иные рычаги воздействия, чтобы вынудить какую-либо страну двигаться в выгодном для них политическом русле. К примеру, если та же перспектива вхождения Узбекистана в ЕАЭС не приносит радости одним внешним силам, то сближение Ташкента с западными центрами силы не нравится другим.

Сегодня в мире происходит процесс переустройства ранее сложившейся системы межгосударственных отношений.

Разворачиваются новая поляризация, борьба за рынки и ресурсы, открытое стремление сильных доминировать над слабыми, жесткое, на грани силовых действий отстаивание собственных экономических интересов.

Все эти глобальные явления непосредственно сказываются на геополитических процессах внутри и вокруг региона ЦА.

США. Начиная где-то с середины 1990-х годов стали проявляться попытки США реализовать сугубо региональный подход к ЦА. Как отмечают американские эксперты, в основе такого подхода лежит намерение Вашингтона «помочь странам региона объединиться в рамках региона, чтобы они, в свою очередь, могли успешно противостоять давлению со стороны России и Китая».

На первоначальном этапе Вашингтон даже пытался помочь сформировать коллективное военное подразделение под названием «ЦентрАзБат». Когда эта затея провалилась, в 2015 году возникла идея диалога в формате «5+1» на уровне министров иностранных дел.

В начале февраля 2020 года Госдепартамент США представил новую американскую стратегию по Центральной Азии, рассчитанную на пять лет (2020–2025), которая призвана заменить аналогичный документ 2015 года, составленный еще при администрации Барака Обамы.

В документе утверждается, что на сегодня США уже вложили в регион большие средства: \$9 млрд прямой помощи на государственном уровне, \$31 млрд частных инвестиций и более \$50 млрд в виде кредитов и технической помощи от международных структур с участием США (Всемирного банка, МВФ и ряда других организаций). Отдельно отмечается, что США вложили более \$90 млн в укрепление границ государств ЦА, провели 200 военных учений и повысили квалификацию более 2,6 тыс. пограничников. Кроме того, 40 тыс. школьников, студентов, специалистов и госслужащих из стран региона прошли стажировку или обучение в США.

На фоне этих практических действий, на концептуальном уровне США активно продвигают идею «Большая Центральная Азия», рассматривавшую Афганистан как часть региона. Некоторые российские и центральноазиатские эксперты, усматривая в этой

концепции попытку Вашингтона увести регион из-под влияния России и Китая, ошибочно преподносят Афганистан как некий чужеродный элемент для ЦА, упуская из виду (или сознательно игнорируя) исторически сложившиеся геополитические реалии в Центральной Азии.

Так, если рассматривать Афганистан в историческом ракурсе, то эта страна, и в особенности его северные и центральные территории, также известные под названием Хорасан, всегда тяготели к Мовараннахру (или позднее – к Туркестану), нежели к Пакистану или Индии. С этой точки зрения, именно вышеназванные части территории Афганистана, в отличие от пуштунских провинций на юге, всегда были активным участником политических процессов, происходивших в регионе ЦА.

Персидские, тюркские и другие династии, сменяя друг друга, создавали в Хорасане свои государства, которые всегда поддерживали самые тесные политические, торгово-экономические и этнокультурные связи с народами Туркестана. Очевидным является и тот факт, что в этой стране проживает большое количество узбеков, таджиков и туркмен (более трети всего населения страны), при этом являясь, заметьте, не диаспорой, а коренными жителями наряду с пуштунами и другими. К примеру, в этой стране (г. Герат) родился и жил основоположник узбекской классической литературы Алишер Навои. Узбекский язык, на котором говорят в десяти афганских провинциях, является официальным языком этой страны наряду с пушту и дари. Более того, несколько поколений узбекских правителей, от Амира Хусейна до Хусейна Бойкара, в свое время правили на троне в Кабуле, возглавляя основанные ими государства.

Разумеется, у США есть свои стратегические интересы в ЦА, отличающиеся (возможно, даже прямо противоположные) от российских или китайских. Однако представляется, что они занимаются Центральной Азией всерьез и основательно. Похоже, американским исследователям во главе с ведущим специалистом по ЦА Фредериком Старром удалось-таки проникнуть в достаточно глубинные исторические пласты региональной памяти. Будет правильнее сказать, что доктор Старр вывел идеологическую начинку концепции под названием «Большая Центральная Азия»

практически из глубины веков как основу для выстраивания новой геополитической конфигурации в регионе. Наверное, это и есть высокое мастерство оперирования историческими данными применительно к современным геополитическим реалиям.

Тем не менее нужно признать, что в обозримом будущем Вашингтон не может конкурировать с Москвой в плане оказания влияния на регион. Соединенные Штаты, попытавшиеся в начале 2000-х годов стать важным игроком в регионе (чего стоит одна только военная база в Ханабаде), сегодня способны лишь реагировать на отдельные события, которые происходят в центральноазиатских странах. Подтверждением этому, к примеру, является тот факт, что официальный визит госсекретаря США Майка Помпео в Казахстан и Узбекистан, состоявшийся в начале февраля 2020 года, стал первым за последние пять лет визитом американского дипломата высшего уровня в Центральную Азию.

Китай. Эта страна уже превратилась в одного из основных экономических партнеров для стран ЦА, предлагая дешевые товары, существенные гранты и кредиты под низкие проценты. Так, долги Кыргызстана (\$1,7 млрд) и Таджикистана (\$1,2 млрд) перед Китаем уже составляют до 20% их ВВП.

Как верно отмечают эксперты, региональные устремления Китая обусловлены тем, что Пекин рассматривает регион как: (1) буферную зону между Афганистаном и Синьцзяном (в этом граничащем с Центральной Азией уйгурском автономном районе проживает около 1,5 млн этнических казахов, 180 тыс. киргизов, 50 тыс. таджиков и 10 тыс. узбеков); (2) связующее звено между Европой и Китаем (кратчайший путь для перемещения грузов и пассажиров по суше); (3) поставщик богатых природных ресурсов. На сегодня для стран ЦА китайская доля составляет около 22% всего экспорта и 37% импорта. К примеру, суммарный объем природного газа, закупленного по состоянию на октябрь 2019 года только из Туркменистана, составил 252,1 млрд кубометров. Как отмечают эксперты, в своей стратегии Китай также придерживается следующих правил: невмешательство во внутренние дела стран и их отношения друг с другом, упор на экономическое сотрудничество, улучшение своего имиджа. Кроме того, в обмен на кредиты и активное экономическое сотрудничество Пекин

ожидает, чтобы страны ЦА соблюдали принцип «единого Китая» (Тайвань – неотъемлемая часть КНР) и борьбы против «трех зол» (терроризма, экстремизма, сепаратизма).

Ранее Пекин, не проявляя особого интереса к выработке регионального подхода, предпочитал выстраивать отношения с каждой страной региона на двусторонней основе, исходя из ее потребностей и экономического состояния. Однако в последнее время Китай внес определенные изменения в свою региональную тактику, что проявилось в проведении (по примеру американцев) в июле 2020 года первого заседания в формате «Центральная Азия + Китай» в онлайн-режиме (на уровне министров иностранных дел пяти стран региона и Китая).

В целом при сложившихся реалиях инициатива Пекина «Один пояс, один путь», преследующая цель воссоздания Великого шелкового пути в его современном контексте, может отвечать интересам стран Центральной Азии. Хотя существуют опасения некоторых экспертов, что это приведет к росту влияния Китая, странам региона стоит рассмотреть благоприятные возможности от участия в данном проекте.

При этом эксперты указывают на то, что, проявляя явную заинтересованность в получении сырья из региона, Китай пока особо не спешит переместить сюда высокотехнологичные производства и создавать свои индустриальные цепочки (кластеры).

Турция. Концептуальную основу геополитических подходов Турции к Центральной Азии составляет признание Туркестана исторической родиной своих предков.

Следует отметить, что на первоначальном этапе независимости Турция выступила для многих стран Центральной Азии авторитетным политическим партнером-союзником. В частности, Турция стала первым государством в мире, признавшим независимость стран Центральной Азии. В этом плане Турция также является первой зарубежной страной, развернувшей активное экономическое сотрудничество с регионом, где турецкие компании реализуют проекты в области строительства, телекоммуникации и текстильной промышленности. Так, турецкие инвестиции в один только Казахстан составили почти \$20 млрд.

Как отмечают эксперты, важным инструментом сотрудничества Анкары со странами региона является Тюркский совет, который значительно нарастил свою мощь и авторитет на международной арене в связи с вхождением в него Узбекистана осенью 2019 года.

С опорой на культурную близость и этнолингвистическую идентичность на первоначальном этапе постсоветского периода Турция попыталась создать тюркский союз со странами ЦА. Однако позже, где-то с середины 1990-х годов, Анкара пришла к пониманию, что она не сможет стать ключевым игроком в Центральной Азии, соответственно скорректировав свои подходы.

В частности, Турции пришлось учитывать позиции держав, имеющих здесь давние интересы. Так, в Анкаре заметили, что в регионе в политическом и военном плане давно доминирует Россия, а в финансовом и торгово-экономическом – активно наращивает свое влияние соседний Китай, не говоря уже о присутствии США и Евросоюза, для соперничества с которыми в региональном масштабе у нее просто не хватит сил. Представляется, что именно на этом видении базируется нынешняя тактика турецкой стороны, которая по отношению к региону применяет сравнительно взвешенный, прагматичный и конструктивный подход.

С другой стороны, страны ЦА, по ряду причин оказавшиеся вдали от передовых магистралей глобализации, технологического, научного и цивилизационного развития мира, также нуждаются в заимствовании передового опыта Турции, которая как раз весь период своей истории была в гуще указанных выше глобальных процессов.

Как подчеркивают отдельные аналитики, в этом плане Турция для стран ЦА на самом деле может стать не только одним из примеров успешного развития, но также и воротами в Европу, европейскую цивилизацию, к которой отчасти относятся и США. Кроме того, Турция может предложить странам ЦА инвестиции, технологии и свои морские порты, получив взамен доступ к рынкам региона (более 70 млн человек), а также к каспийской энергетической игре, учитывая намерение Анкары стать одним из энергетических хабов в Европе.

В этом контексте, как отмечает ряд экспертов, страны

Центральной Азии и Турция выступают естественными партнерами, заинтересованными во взаимовыгодном использовании потенциала друг друга.

Однако на протяжении всего постсоветского периода в российских массмедиа муссируется вопрос о «пантюркизме» и «Великом Туране». Допустим, что у части российской элиты, возможно, имеются вполне обоснованные (с их точки зрения) опасения об устремлениях Анкары к созданию геополитических конфигураций, включив в нее сугубо тюркские государства. В частности, в пользу этих опасений совершенно безосновательно отмечается, что якобы переход государств ЦА на латинский алфавит навязан им турецкой стороной.

Что касается часто упоминаемых утверждений о создании Великого Турана, то мы, живя в Узбекистане, вообще даже не обсуждаем этот вопрос. Вряд ли кто-то всерьез может предполагать, что, прошедшие самые трудные 30 лет суверенного развития, государства региона могут вновь мечтать о «старшем брате». Подобные измышления являются не чем иным, как плод больного воображения ангажированных «экспертов», мечтающих вбить клин в наши взаимоотношения с еще одним естественным союзником в лице Турции.

- Центральная Азия и Россия: быть ли Соединенным Штатам Евразии?

Эпоха правления Б.Ельцина (так называемый «ельцинизм») не только выявила несостоятельность идеи принудительного строительства социализма (даже в Китае поняли, что для социализма нужен крепкий базис, то есть высокоразвитая экономика, способная вырастать только из недр капитализма), но и привела к большим геополитическим потерям для России.

На волне ельцинского популизма («берите независимости столько, сколько хотите!») российская политическая элита не обращала на эти потери должного внимания. Наоборот, как по команде, легко и просто разрывались связи с бывшими советскими национальными окраинами, как с «лишним балластом, мешающим благополучию россиян».

Спыхватились где-то к концу 1990-х, когда развернулась война в Чечне и возникла угроза отторжения всего Северного Кавказа. К примеру, военно-политической элите РФ пришлось признать весьма неприятный для нее факт, что с распадом СССР Россия потерпела крупное геополитическое поражение и на центральноазиатском направлении.

Пришло осознание того, что после столетнего периода практически единоличного господства в этом обширном и богатом природными ресурсами регионе Россия больше не имеет монополии на Центральную Азию. Более того, ее бывшие позиции стали активно замещаться такими новыми влиятельными внешними акторами, как Китай и США.

Только с начала 2000-х годов Москва пытается восстановить вновь свое присутствие в регионе. В основу ее нынешней геополитической стратегии заложено концептуальное утверждение о том, что для России «регион представляет собой часть так называемого ближнего зарубежья/постсоветского пространства, которое входит в зону ее исключительно важных жизненных интересов».

Однако анализ данного положения российской стратегии в отношении ЦА свидетельствует о недостаточной проработанности всех аспектов этой важнейшей проблемы. Представляется, что дух высказываний Александра Солженицына о среднеазиатском «подбрюшье» незримо присутствует в работах немало числа российских экспертов и политологов, что уже подразумевает применение на практическом уровне в большей степени мер «против» нежели «за».

Смысл такого утверждения сводится к тому, что эти страны «никуда не денутся» и, если понадобится, «приползут на коленях». Представляется, подобный подход основан на искаженном (выдать желаемое за действительное) восприятии тех неотвратимых геополитических изменений, происшедших во всем мире в целом и в Центральной Азии в частности.

Однако попытка восприятия реалий, сложившихся в ЦА на современном этапе, через призму подобных ложных посылов, в свою очередь, приводит к неверным оценкам и трактовкам происходящих в регионе процессов. В частности, заметно, как

взаимовыгодные контакты государств региона с другими внешними акторами воспринимаются иногда крайне болезненно и чуть ли не как настоящий вызов интересам России.

Представляется, что подобный подход не позволит российскому политическому и интеллектуальному сообществу сформулировать адекватное видение и восприятие не только тех неотвратимых изменений, происшедших в общественном сознании народов региона, но и ту новую геополитическую конфигурацию внутри и вокруг Центральной Азии, которая уже успела сложиться в постсоветский период, притом на совершенно другой основе.

Хуже всего, когда искажения концептуального плана увеличивают риск внешнеполитической дезориентации, то есть могут привести к принятию Россией непродуманных или неверных решений в отношении региона.

Мне, как политологу, приходится отслеживать выступления и публикации о нашем регионе или родном Узбекистане, в том числе негативного плана, которые особенно неприемлемы именно в данный период, когда, к примеру, нашу страну активно приглашают в ЕАЭС.

К сожалению, в рассматриваемом контексте нас тревожит тенденция использования платформы российских массмедиа для осуществления разного рода срежиссированных атак в отношении региона. В частности, настораживает та легкость, с которой в России получают регистрацию интернет-издания и сайты, которые целенаправленно занимаются информационными вбросами против стран Центральной Азии.

Кроме того, в последнее время в российском информационном поле по отношению к ЦА наблюдаются случаи снобизма, проявления высокомерно-покровительственного отношения и некорректные высказывания отдельных депутатов Государственной думы, а также экспертов и журналистов. Под видом дискуссий, устраиваемых различными ток-шоу на федеральных каналах российского телевидения, озвучиваются достаточно провокационные тезисы касательно общего прошлого и перспектив взаимоотношений постсоветских стран. Нам могут возразить, что тут многое рассчитано на внутреннюю аудиторию России, хотя эти программы смотрят на обширном пространстве от Израиля до Монголии с

аудиторией в 500 млн человек.

Представляется, что российским политическим элитам не хватает элементарного понимания того, что подобные проявления воспринимаются в странах ЦА как попытка Москвы реанимировать в регионе свою былую роль «старшего брата», что настораживает общественность и способствует дальнейшему отторжению региона от России.

Разумеется, эксперты имеют право высказаться. В демократическом обществе публичная дискуссия, в том числе на политическую тематику, вполне нормальное явление. Однако если интеллектуальные элиты России действительно намерены обеспечить сближение наших стран, то тогда становится принципиально важным, чтобы эти ток-шоу проходили с четким соблюдением международной протокольной этики, без перекосов и прямых оскорблений. Ведь дружественная страна, пытающаяся доминировать на постсоветском пространстве, не должна допускать, чтобы ее массмедиа применялись против ее же партнеров.

Известно, что ангажированные высказывания и заявления имеют достаточно мощную разрушительную и деструктивную силу. Было бы просто наивным и ошибочным полагать, что политические и экспертные сообщества стран ЦА не замечают эти «игры», затрагивающие национальные чувства и интересы наших народов. Не говоря уже о том, что вышеупомянутые действия прямо противоречат официальному внешнеполитическому курсу Российской Федерации. Опасность заключается в том, что подобная тенденция может подорвать доверие к Москве и ее политике, а также привести к срыву планов, уже согласованных на уровне лидеров. В частности, тонкость этих моментов проявилась в дискуссиях, развернувшихся вокруг вопроса о вступлении Узбекистана в ЕАЭС. Тем не менее похоже на то, что в последнее время российская сторона начала учитывать те новые геополитические реалии и особенности ЦА, которые упоминались выше. В частности, очень надеемся, что в Кремле растет понимание того, что на самом деле в регионе существует внутренний круг проблем, которые должны быть решены без привлечения «игроков» извне, в том числе даже самых дружественных государств. Ведь предыдущий

опыт (2006–2016 годы) ясно показал, что без решения вопросов внутрирегиональной повестки дня государствам ЦА будет просто трудно идти дальше.

С этих позиций, то есть именно как корректировку регионального подхода России, склонны воспринимать наши эксперты недавнюю новость о том, что отныне Москва будет развивать сотрудничество с регионом в формате «ЦА + 1». Так, состоявшееся 15 октября 2020 года (в онлайн-режиме) совещание глав МИДов России и пяти государств региона впервые прошло именно на основе этого формата, представляющего собой совершенно иную геополитическую конфигурацию для наших взаимоотношений.

Более того, состоявшееся на таком фоне принятие 11 декабря с. г. Узбекистана в ЕАЭС в качестве наблюдателя подтверждает ценность новых реалистичных подходов России по отношению к государствам региона.

Однако следует отметить, что вступление Узбекистана в эту структуру вновь вызвало среди местного экспертного сообщества дискуссию о возможном несоответствии между двумя интеграционными проектами: (1) в рамках Центральной Азии и (2) в рамках ЕАЭС. В частности, высказываются некоторые опасения по поводу реанимации вышеупомянутой практики 2005 года, когда центральноазиатская региональная повестка дня была заменена евразийской, что тогда привело к замораживанию интеграционного процесса внутри региона ЦА.

В этой связи выражаем надежду, что на этот раз стороны, исходя из предыдущего опыта, все же будут настроены по-другому, чтобы не возникло оснований для беспокойства подобного рода. Кроме того, существует ряд новых обстоятельств, которые нужно учесть сторонам на этом этапе.

Во-первых, сама Россия является активным участником или партнером множества других, кроме ЕАЭС, проектов многостороннего формата (ШОС, СНГ, Евросоюз, НАТО, союзное государство с Белоруссией и т. д.), что воспринимается как вполне закономерное явление.

Кроме того, доминирующая роль России в рамках ЕАЭС признается всеми ее участниками. По этой причине Москве не стоит

поддаваться соблазну какого-либо давления на других участников структуры. Они, как суверенные государства, также имеют право вести диалог или наращивать сотрудничество в рамках других, кроме ЕАЭС, проектов.

Центральноазиатским партнерам России просто не уйти от этого вопроса, потому что, как верно отметил один из экспертов, сегодня свои форматы сотрудничества с регионом ЦА есть у многих стран: «С5 + 1», разработанный в США, стратегия Евросоюза в отношении Центральной Азии, политика Индии «Объединяя Центральную Азию», диалог «Центральная Азия плюс Япония», «Евразийская инициатива» Южной Кореи, Тюркский совет Турции, а также недавно созданный формат «Центральная Азия + 1» России.

Во-вторых, участие стран Центральной Азии в ЕАЭС никоим образом не должно препятствовать им отработать свою сугубо региональную повестку дня, о которой говорилось выше, что не касается интересов российской или других третьих сторон.

Что касается геополитической конфигурации внутри региона ЦА, нам представляется верным экспертное утверждение, согласно которому упомянутые форматы «С5» или «С5+...» должны стать для государств региона некой платформой (или моделью) сотрудничества как между собой, так и с внешним миром. В частности, регулярные рабочие контакты в рамках подобных форматов позволят политическим элитам стран ЦА добавить к национальному уровню мышления региональный, закрепляя привычку работать в составе «пятерки», что также позволит синхронизировать их действия на международной арене.

В этом контексте ряд экспертов обращает внимание стран Центральной Азии на хороший пример стран Вышеградской группы (или V4 – объединение четырех центральноевропейских государств: Польши, Чехии, Словакии и Венгрии). Так, эта группа стран даже после вступления в НАТО и Евросоюз продолжает отстаивать единые и более прочные переговорные позиции в многосторонних форматах. Более того, в Брюсселе относятся к этому вполне взвешенно и безо всяких подозрений, поскольку в данной практике нет ничего принципиально враждебного.

В-третьих, присоединение Узбекистана с населением почти 35 млн человек к ЕАЭС в качестве наблюдателя придаст еще один важный импульс дальнейшему развитию данной структуры.

Российско-узбекские отношения, новый этап которых начался после принятия Узбекистаном в конце 2016 года новой Стратегии развития, ныне являются самыми быстрорастущими по темпам в регионе ЦА. В частности, в рамках 1-го Межрегионального форума России и Узбекистана в октябре 2018 года подписаны Программа экономического сотрудничества на 2019–2024 годы, а также 800 торгово-инвестиционных соглашений и меморандумов на более чем \$25 млрд, из которых \$20,8 млрд приходится на инвестиционные соглашения, \$6,2 млрд – на торговые контракты.

По версии глобального банка HSBC (доклад «World in 2050») Узбекистан признан одной из самых быстрорастущих экономик мира (топ-26) в ближайшие десятилетия. А в туристической сфере Узбекистан еще в 2019 году пробился в первую пятерку самых динамичных и привлекательных туристических направлений мира. Только за 2019 год приток иностранных инвестиций в Узбекистан вырос в четыре раза по сравнению с предыдущим годом. А в начале 2020 года озвучена задача вдвое увеличить ВВП страны в ближайшие пять лет, расширив годовой объем экспорта до \$30 млрд.

Общеизвестно, что Узбекистан является государством, которое не только скрупулезно относится к самому процессу подготовки этих документов международного характера, но и неукоснительно соблюдает принятые на себя соответствующие обязательства, требуя того же от других участников. Безусловно, это обстоятельство также усилит процессы внутри ЕАЭС. Таким образом, безо всякого сомнения, подключение к евразийским процессам динамично развивающегося Узбекистана, где с приходом Ш.М.Мирзиёева развернуты самые комплексные и широкомасштабные во всем СНГ реформы, значительно усилит потенциал и перспективу ЕАЭС.

С другой стороны, обретение статуса наблюдателя в ЕАЭС не должен вынуждать Узбекистан отодвинуть на второй план центральноазиатский вектор, который является главным приоритетом ее внешней политики.

В этом контексте можно прогнозировать, что для Ташкента, являющегося одним из локомотивов центральноазиатской интеграции, второй шаг в сторону ЕАЭС, но уже в качестве полноправного участника, скорее всего, может состояться только после успешного решения всей внутренней региональной повестки дня в рамках Центральной Азии.

Данное видение также базируется на том простом понимании, что нерешенные проблемы сугубо регионального характера внутри ЦА могут попросту экстраполироваться на платформу ЕАЭС, значительно осложнив дальнейшую работу и этой структуры.

- Выводы и предложения (вместо заключения)

Первый вывод: в пользу крепких связей с Россией выступает более чем вековой исторический опыт нахождения в рамках одного государства, а также наработанная солидная договорно-правовая база.

Именно Россия остается главным партнером стран региона, а ее обширный рынок – благоприятным местом экспорта продукции из стран ЦА. Так, по данным Федеральной таможенной службой РФ, на ноябрь 2019 года объем торговли между Россией и государствами ЦА достиг \$20,5 млрд.

Также впечатляют масштабы помощи России государствам ЦА, которая с 2008 по 2019 год безвозмездно помогла на сумму, превышающую \$6 млрд (более \$4 млрд на двусторонней основе, остальная часть по линии международных организаций – ООН, Всемирного банка, ЕврАзЭС).

Второй вывод: завершив достаточно сложный период становления, наши страны находятся на переломном этапе своего дальнейшего развития. То есть или они в течение предстоящих 10–15 лет ускоренными темпами войдут в число процветающих государств, или окончательно законсервируются в проблемах, оставшись банальным сырьевым придатком более развитых государств и транснациональных корпораций. Иной альтернативы нет!

Никто особо не ждет наши страны на своих обжитых рынках, не желая появления нового игрока с конкурентной по ценам и качеству продукцией, произведенной по передовым технологиям,

себестоимость которой будет ниже из-за использования своих сырьевых ресурсов и дешевой рабочей силы.

Однако растет понимание того, что реализации вышеуказанной цели нельзя достичь в одиночку. Наоборот, в условиях нарастающей глобализации это возможно только на основе совместных действий стран, достаточно близко связанных политически, экономически и культурно-цивилизационно, к примеру, в рамках проекта многостороннего формата по типу ЕАЭС.

Третий вывод: на этом фоне спустя сто лет Россия и страны Центральной Азии вновь пытаются выстраивать подходящую конфигурацию своих взаимоотношений.

В этом контексте у общественности наших стран есть ясное и однозначное понимание, что Россия была, есть и будет главным стратегическим союзником Узбекистана и всех центральноазиатских государств и региона в целом на всю обозримую перспективу.

Эта геополитическая реальность не оспаривается ни в концепциях развития стран региона, ни в ориентации национальных элит. Кроме того, хоть и без особого энтузиазма, но эту же истину воспринимают и в США, Китае и Турции.

Четвертый вывод: при этом России и странам ЦА важно извлечь правильные уроки и не повторять ошибок, допущенных в прошлом. В частности, в странах региона настроены, чтобы процесс выработки новой конфигурации взаимоотношений был поставлен (в отличие от предыдущих периодов царской России и Советского Союза) на здоровый фундамент, основанный на принципах равноправия и взаимного уважения.

России, как доминирующей силе внутри ЕАЭС, важно презентовать себя в качестве привлекательного и выгодного партнера для других участников – в политическом, социально-экономическом и культурно-духовном планах. Только на этой основе Россия, как сердцевина Евразии, может выстроить вокруг себя надежный «пояс безопасности», свободный от политической конъюнктуры. К примеру, в Евросоюзе используется принцип, согласно которому оказывается необходимая помощь более экономически слабым

странам-участницам, стремясь подтянуть их до уровня лидеров.

Пятый вывод: Современные не совсем благоприятные тенденции в мировом общественном развитии, предыстория и логика нашего дальнейшего движения вперед убедительно свидетельствуют о безальтернативности интеграционных действий на пространстве Центральной Азии. В то же время выражаем надежду, что вместе с Россией путь к прогрессу и процветанию будет пройден легче и успешнее.

В заключение отметим, что во многом от успешного достижения здорового консенсуса между Россией и странами ЦА будет зависеть ответ на вопрос о том, перефразируя известное выражение В.Ленина, быть Соединенным Штатам Евразии или не быть.

Кудратилла РАФИКОВ, политолог, г. Ташкент.

Газета «Коммерсантъ», 23.06.2021 г. Publisistika